ЛИБЕРАЛЬНЫЙ АПОКАЛИПСИС
БЕНЕДИКТОВ
БУРНОСОВ
ВОЛОДИХИН • ДИВОВ • ЗЛОТНИКОВ
ПАНОВ • РЫБАКОВ • СКОРЕНКО • ТЮРИН
При составлении сборника ни один Либеральный не пострадал
OZON.ru

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Время — это не просто стрелки наших часов. Это сила, с помощью которой масса материи убегает от тепловой смерти. Эксперименты со временем приближают наш мир к гибели. Его и так ведет к концу человек-потребитель. И тут оказывается, что нравственность имеет физическое измерение.

- Александр Тюрин
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

Александр Тюрин
Армагеддон — завтра

1

С Настей у Севы все обстояло серьезно. Невестушка, через полгода свадьба.

Да вдруг Настя проявила независимость и отправилась на девичник. Возвращалась около полуночи. В это время по городу рассекают крутые тачки — Темирхановы обозревают владения. Настя привыкла, что с Севой гулять безопасно, потому не беспокоилась. И напрасно.

На душной улочке около нее, легко прошуршав колесами, остановился мощный внедорожник. «Анастасия, свет очей моих, что ж ты старых друзей забываешь?». С Булатом Темирхановым Настя действительно и в школе училась до 8 класса, и списывать давала.

Булат подвез на свой темирхановский лад. Сева узнал, где Настя, только через неделю. Рашид, друг еще с детсадовских времен, поведал:

— Она — у Темирханова Булата на его даче. Мой дядя видел ее. Не связывайся с ним, папаша его не только по фамилии, но и в самом деле тут хан. Найди себе другую деваху — тебе ж не сложно.

— Мне всё не сложно. Ты мне друг, Рашид, точно? Поезжай к этому Булату, с дядей или без, передай, я жду его сегодня, как только стемнеет, у ротонды в парке отдыха.

— Ты чего, Сева, со стула упал и мозгом ударился?

Рашид основательно покачал головой по дуге большого круга, но поехал. А около девяти Сева пришел в самую заброшенную часть парка. После того, как здесь прирезали бомжа — точнее, покромсали на ломтики не больше колбасных — люди как-то перестали сюда ходить.

Ротонда, где некогда играл духовой оркестр — «Прощание славянки», «Амурские волны» — наполовину обвалилась. А упавшие перекрытия придали ей сходство с песочными часами.

Несмотря на залихватские «мне все не сложно», Сева не был железобетонным, как папа, а скорее в покойную мать. Булат явится, в этом можно не сомневаться. Джигита ведь из себя строит. Но вот будет ли он один? И если даже один — это серьезный противник. Карате занимался, тяжелее на двадцать кэгэ. В кармане наверняка лежит короткоствол. Лучше бы, как и советовал приятель, не связываться…

Но забыть Сева не мог. Настя совсем не напоминала девок из семей спившихся работяг бывшего «Энергомаша». Скорее всего, была она единственной в городе, которую Темирханов мог бы

взять только силой.

Сева почувствовал приближение хищного тела, резко обернулся — Булат был почти рядом. Массивный, а идет тихо, как тигр.

— О чем задумался, служилый? — голос Темирханова лился приторно-дружелюбно. Сева отругал себя — ведь действительно, задумался в самый неподходящий момент, как мальчик-аутист.

— О ней.

— А может, не стоит брать в голову? Иди лучше ко мне работать, в ЧОП — заместителем директора.

— А ей ты предлагал место секретарши или сразу лапы потянул?

— Я ей предложил то, что ты ей не мог дать. Вообще, не понимаю, ты ее для меня девушкой сохранял? Ты чего, на всю голову православный?

Сева перепрыгнул через обвалившуюся балку, сымитировал удар по верхнему уровню и, мгновенно прижавшись к земле, врезал противнику по нижнему уровню — под колени.

Темирханов повалился лицом в пыль.

— Вставай, — сказал Сева, — для тебя еще ничего не кончилось.

Темирханов встал. Физиономия его выглядела растерянно. Он сделал, прихрамывая, пару шагов вперед, попробовал атаковать — ударом ноги в голову. Кречетников нырнул под ногу Темирханова и провел сразу два удара — локтем в корпус, тылом ладони в лицо.

Булат благодаря массе удержался на ногах, но теперь его «афиша» была запачкана кровавыми соплями и перекошена злобой.

— Подробности хочешь? Вначале она немного поломалась, но лишь для вида — я пришлю ее шмотки, ни одной пуговички не оторвано — а в конце просила взять к себе. «Булатик, а ты меня не бросишь?»

Через мгновение Сева, перемахнув через сгнивший круглый стол, оказался сбоку от Булата и вколотил ему кулак в ухо, а хуком справа в челюсть уложил на землю. Нокдаун.

Покачиваясь, Темирханов поднялся, попытался провести прямой удар. Сева аккуратно затормозил его кулак ладонью левой руки. Булат пихнул правой ногой в колено Кречетникова, но тот подцепил стопой его пятку, вывел из равновесия и двумя ударами в голову опрокинул на спину. Снова нокдаун.

— А теперь можешь полежать, скот.

Опершись на локти, Темирханов стал подниматься — Сева вовремя заметил блеснувший в его руке металл и пинком вышиб

пистолет.

— Стоять, ни с места…

Кречетников обернулся. От дальних скамеек к ним шло двое полицейских с оружием наизготовку.

— Эй ты, покажи грёбла.

Кречетников протянул руки ладонями вверх и на его запястьях защелкнулись наручники.

Сева вместе со своим конвоиром отошел лишь шагов на двадцать от ротонды, когда в глаза ударил свет фар. С полминуты он ничего не видел, только слышал, как из машины выходит несколько крупных тел — и сразу догадался, кто это. Темирхановцы — все отожравшиеся.

— Сержант, отойди… Расульчик, займись этой гнидой.

По голосу Кречетников узнал Темирханова-старшего, мэра города. Тембр, напоминающий о жужжании мух, запомнился по его выступлениям на местном телевидении.

Удар силой в несколько сот килограммов сбил Севу на землю. Сознания он не потерял, так что понял, что им занялся боксер-профи. Стало трудно дышать — кровь заполнила носоглотку. Он подумал, что надо сгруппироваться, но еще несколько ударов в голову, в бок, залили его тело тяжелой болью. Она ходила туда-сюда и была его полным владельцем.

— Стоп, иначе отключится. Расул, за руль…

Заработал мотор, сквозь пульсирующую боль Сева почувствовал приближающийся корпус машины, а потом его стали давить…

Андрей Андреевич нашел Севу утром — в городской больнице, с приставленным полицейским. В ту ночь дежурил, по счастью, Царегородцев, последний нормальный хирург, начавший работать еще при советской власти. К полудню доктор вышел из операционной с красными воспаленными глазами и сказал, что парень будет жить. Царегородцев не стал говорить измученному отцу, что сын его пролежит до конца своих дней в кровати и работать у него, в лучшем случае, станет только левая рука. И что будет Сева проклинать врача, который вытащил его с того света. А еще через час Кречетников-старший ознакомился с обвинением, которое было предъявлено сыну.

Причинение умышленно тяжкого вреда здоровью и покушение на убийство Булата Темирханова в составе организованной группы. «По мотиву… расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды…» К делу приобщено оружие обвиняемого — пистолет «Глок 36». УК РФ, статьи 111, 112 и еще четыре.

— Кто же тогда изувечил Севу? — прошептал Кречетников-

старший, сидя на жестком стуле в кабинете следователя. От отчаяния так сдавило горло, что едва мог говорить.

— Попал под машину, на которой подъезжал его подельник, — следователь подмигнул, показывая, что такова новая реальность. — Да, про девушку вы говорили, только никаких заявлений от гражданки Пентковской к нам не поступало…

Центральная пресса и интернет сработали оперативно.

Уже к вечеру на новостных сайтах появилось сообщение о группе скинхедов в городе Шалшык (бывший Ковалевск), занимавшейся нападениями на лиц нерусской национальности. На следующий день появились фамилии. Бывший десантник Кречетников, а также ранее судимые Иванов и Скворцов.

Соответствующие сообщения, с указаниями на опасный рост русского национализма, имеющего связи с силовыми структурами, были опубликованы в нескольких западных газетах, в том числе консервативной «Таймс» и либеральной «Нью-Йорк таймс».

Информация о «банде Кречетникова» расцветала новыми нюансами. Военная прокуратура завела на Всеволода еще одно дело. По показаниям жителей горного селения Кызыл-Юрт, при прохождении военной службы Кречетников В.А. участвовал в похищении местного бизнесмена Курбанова.

А популярный блогер, сынок многотиражной писательницы, выделил в этой истории и сексуальный подтекст: «Так называемая «невеста Кречетникова» ушла к Булату Темирханову из-за импотенции своего «жениха», страдающего наркотической зависимостью после прохождения службы в армии, где он устанавливал «конституционный порядок», рэкетируя бизнесменов. Собственно, Настеньке очень повезло в городе, где большинство русских женщин готовы отдаться на трассе за бутылку водки».

Кречетников-старший не читал бессовестных блогеров. Он понимал, что брехня является отлично продаваемым товаром. Андрей Андреевич ходил между судом и прокуратурой. С Севой увидеться он не мог. После того, как сын вышел из комы, его перевели из больничной реанимационной палаты в лазарет СИЗО.

Во время суда у Всеволода несколько раз брали показания при помощи видеотрансляции, но едва он пытался сказать непослушным ртом, что у него не было никаких сообщников, как сеанс связи обрывался.

Последний, кто еще мог помочь Андрею Андреевичу Кречетникову — это Вартанян. Они вместе работали в НИИ волновых сред, только тот ушел года за два до «акционирования»,

занялся бизнесом. Возможно, уже тогда начались «утечки» технологий и Вартанян сумел составить стартовый капитал. Одно время Алику принадлежали все супермаркеты в городе, но потом пришлось отдать их Темирхановым — обошлось вроде мирно. Клан в начале своего восхождения применял разную тактику и в данном случае заплатил за уступку.

Вартанян позвонил первым.

— Тебе не надо меня просить. Сделаю, что смогу, чтобы спасти твоего парня от тюрьмы.

— Алик, откупиться от Темирхановых будет стоить огромных денег. Я отработаю…

— Об этом потом.

Через неделю следствие переквалифицировала обвинение на более мягкое: «хулиганство», «причинение легкого вреда здоровью», а заодно поменяло «содержание под стражей» на «подписку о невыезде». Севу на носилках доставили домой.

Кречетников несколько раз звонил Вартаняну, чтобы поговорить о выплате долга, но тот всякий раз отнекивался: «потом». А потом Алика застрелили — по городу ходили слухи, что Темирхановы все-таки были им недовольны.

2

Пэнроуз был городом роз — благо климат способствовал, мягкий морской.

Вот и коттедж доктора Юмэна окружали три периметра розовых кустов — чайных, белых и, конечно, розовых.

В последний год Лео Юмэн всегда возвращался с работы, протекавшей в лаборатории фирмы «Сирл», ровно в половине шестого. И после чайной церемонии с женой занимался розовыми кустами.

Когда приезжала из гимнастического клуба дочь, садились ужинать. Разговор обычно шел сперва о спортивных занятиях Джулии, о профессорах, которые преподавали сыну Джейку. Затем о том, как хорошо, что они уехали из «Рашки», также как тренера дочери и профессора сына, и как плохо, что они не уехали из «Рашки» раньше.

Лео и его жена Джэд в этих разговорах непременно лукавили. Леонид Уманский с супругой Ядвигой уехал из «Рашки» именно тогда, когда прошло акционирование НИИ волновых сред и можно было заниматься вывозом оборудования и «ноу-хау».

Делать это в спешке не годилось. Заказчикам из «Сирл» требовалось всё, относящееся к разработкам по теме «танцующих молекул». Собственно, Мэнсон и дал название проекту — dancing molecules. В «совдепии» всё именовалось прозаичнее: «системы уединенных волн в упругих средах». У Мэнсона всегда был потрясающий нюх на прибыль. Едва он прочитал первые три страницы из доклада, подготовленного для него Уманским, как хлопнул себя по крепкому стриженному затылку: «Это прорывная тема, если правительство подбросит денег, через несколько лет мы сможем создавать новые виды материи». И добавил: «Кречетников — гений, надеюсь вы, Лео, сумели многому у него научиться». Эту фразу Уманский постарался забыть.

В десять часов Юмэн садился пообщаться с коллегами в Беркли, Женеве и Москве с помощью интернет-телефонии — нет ли каких-то новостей. «Московитов» он непременно подкалывал, сообщая им, что сейчас сооружает у себя бассейн, и какие у них в городе улыбчивые полицейские.

В одиннадцать Юмэн совершал пробежку по зеленой Дрэйк-лэйн; поскольку горожане были счастливы, то в городе было безопасно как в детском саду.

В полночь Юмэн ложился в постель со своей Джэд. У нее не было и следа целлюлита; то, что нужно, поднято всемогущим хирургом Веспером из Пасадены и пружинило как у девушки.

Размеренная сладкая жизнь.

Правда Лео подозревал, что Джэд занимается любовью с Лолитой По. Та была важной шишкой в Совете по международным отношениям: эксперт по «политике на пространстве Евразии» и менеджер по «демократической инициативе за Уралом». Джэд регулярно летала к Лолите в гости. Лео пару раз заглядывал и в сумку жены перед отъездом — откровенное нижнее белье и дильдо. Но связь с женщиной — это так современно, да и важно для карьеры Джэд, которая с прошлого года имеет приличный пост в News Corp.

О том, что произошло с Севой Кречетниковым, Юмэн узнал из «Бизнес Таймс» — в том виде, как было подано там. И после субботнего секса спросил у жены:

— Дорогая, ты же у них редактор отдела восточноевропейских новостей. Я не очень верю, что сын Андрея во главе банды головорезов напал на невинного филолога… И вообще он твой племянник.

— У меня нет племянников, — отбила Джэд. — Старший Кречетников — фактически убийца моей сестры, не дал ей уехать, подонок. И его выкормыш такой же, яблоко от яблони недалеко падает.

— Может, стоит как-то разобраться.

— То, что написано в статье, отражает общую политику News Corp, а если точнее, Совета по международным отношениям по освещению событий на пространстве экс-СССР. И вообще, чего пристал? — неожиданно грубо рявкнула Джэд, обычно в такие часы изображавшая кошечку. — Или тебе кошерный секс надоел, захотелось чего-то погорячее?

И Лео понял, что ему действительно хочется чего-то погорячее. А еще он вспомнил, что жена спокойно одобрила то, что он фактически обокрал Андрея Кречетникова. «На варваров и рабов, также как на животных, законы об интеллектуальной собственности не распространяются». И если она тогда не возражала, то почему он должен возражать сейчас?

3

За хулиганство Сева получил условный срок — в чем либеральные газеты усмотрели руку «националистов-силовиков» из Кремля, потому приехавшая из столицы группа «антифа» выбила все стекла в квартире Кречетниковых и нагадила у них в подъезде. Продолжалось и расследование военной прокуратуры. Многочисленные члены семьи Курбановых каждый день вспоминали новые обстоятельства того, как их пытал сержант Кречетников. Журналисты суетились, сочиняя подробности.

Впрочем, Андрею Андреевичу пару раз звонили и намекали, что дело можно будет замять… ну, сами понимаете… где-то «тридцать тонн зелеными». Тогда найдутся свидетели, которые вспомнят, что вообще-то в Кызыл-Юрте шел бой, а из дома, принадлежавшего Курбановым, был открыт огонь в спину отделению десантников. И что в ходе обыска, проведенного милицией у Курбановых, обнаружились рабы и свидетельства того, что прежние владельцы дома, русскоязычные, были убиты…

Тридцать тысяч долларов. Старший Кречетников пересчитал все имущество, у него имеевшееся, включая квартиру. До тридцати «тонн» явно не дотягивало. Однако он начал продавать. Квартиру взял кто-то из темирхановских родичей за пятнадцать тысяч, многократно называя себя при этом честным и щедрым.

И вот последняя ночь на родном пепелище.

Накормив сына, Кречетников сел за компьютер. Стал готовить сообщение под заголовком: «Продается документация по распространению уединенных волн в упругих средах…» Аннотация, задачи, эксперименты, результаты. Нашел нужную ньюс-группу, дал сообщение, потом повторил еще на двух. Это заняло Кречетникова до пяти утра. Затем отправился договариваться с бабкой, у которой должен быть снимать комнатку с завтрашнего дня, и с шофером грузовика, который станет перевозить пожитки.

За океаном был еще вечер предыдущего дня. Но там уже совещались Юмэн, Мэнсон из «Сирл», люди из «Пиллума», фирмы, тесно связанной с ЦРУ, в том числе Верикокка, курирующий сбор научных трофеев на пространстве экс-СССР.

— Нами перехвачена важная информация, — сказал Верикокка. — Небезызвестный вам Кречетников сообщил, что владеет полным ноу-хау по «танцующим молекулам». Ему удавалось изменять скорость протекания времени для макрообъектов и возвращать им прошлые состояния. Я бы не поверил, но это серьезный ученый.

— Надо немедленно вывезти документацию из… Шалшыка, — речь Мэнсона была чеканной, только название города он произнес невнятно, словно жуя бифштекс. — Доктор Юмэн, как полагаете, нужен ли нам сам Кречетников?

— Не думаю. Человек с изломанной психикой, особенно после этих двадцати лет, прожитых в нищете, — разлепив подсохший рот, сказал Лео Юмэн. — Я знаю то, чем он занимался в институте и в каком направлении мог продвинуться.

— Вы уверены, доктор Юмэн, что сами во всем разберетесь? — Верикокка посмотрел ледяным глазом.

— Лео был прилежным учеником Кречетникова, — поспешно вклинился Мэнсон. — Кроме того мистер Кречетников уже двадцать лет за пределами научного сообщества. Думаю, что кроме истерик и претензий, мы от него ничего не добьемся. И самое главное — соображения секретности. Кто он там, русский националист, как его сын, или коммунист, как его отец — информация может уйти через него к парням на Лубянке.

— Пожалуй, я с вами соглашусь. Кречетников нам не нужен, — подытожил Верикокка. — Операцию начинаем немедленно.

А на другом конце мира, в Шалшыке, Андрей Кречетников немного поспал — в девять утра его разбудил шофер Лёша и они стали грузить в КАМАЗ пожитки. У Лёши оказалось туго со временем, «всякие сундуки» он носить не нанимался, да и в съемной комнате места было маловато. Так что на выброс пошла почти вся библиотека. И Брокгауз-Ефрон, и «Чудеса Природы» столетней давности с первыми в мире цветными реконструкциями динозавров — эта книга сделала маленького Андрея фанатом естественной истории. И кипы книг по путешествиям, русским землепроходцам, советским исследованиям космоса — с ними провел детство маленький Сева. За полчаса почти весь мир семейства Кречетникова отправился на свалку.

В полдесятого появился «шестерка» Темирхановых, стал торопить. Вот и диван оставили во дворе — явившаяся на шум семейка беженцев облепила его и потащили куда-то. В съемной комнате хватит и раскладушки.

Севу погрузили в фургон прямо на кровати, где он лежал. Андрей Андреевич поехал рядом с сыном, придерживать, чтобы тот не упал из-за тряски на разбитой дороге.

«Шестерка» Темирхановых зашел в очищенную Кречетниковыми квартиру. А еще через пять минут позади него в дверях появилось двое крепышей.

«Шестерка» кинул взгляд через окно во двор. Там стоял

«Паджеро». Ничем не примечательный внедорожник, однако возник только что, да и около облупленной хрущевки «своими» могли быть лишь потертые «лады» и двадцатилетние иномарки.

— Ау, чего притопали? — протянул «шестерка». — Квартира куплена, документы в порядке.

— Так ты не Кречетников? — спросил один из типов в спортивном.

— Похоже, это профессор с сынком-паралитиком вам нужны, — «шестерка» облегченно выдохнул. — Скололи уже.

— Куда?

— К бабке одной.

— Что из тебя тянуть всё надо. Адрес бабки?

— Вы чего, пацаны, растопырились? — возмутился «шестерка». — Что за допрос такой? Я сейчас тоже могу нашим позвонить, чтобы подъехали.

— Рот прикрой, а то мухи насрут. Тебя только спросили, знаешь ли ты адрес, — успокоительно сказал второй тип.

— Точный не знаю. Но слышал, как папаша ихний с водилой говорил про улицу Рокоссовского. Она теперь Шамиля называется…

«Паджеро» подкатил к дому бабки Ульяны в то время, когда выгрузка пожитков из КАМАЗа еще не закончилась.

— Быстро вы, — бросил Кречетников двум «быкам», вышедшим из машины, — может, вместе вещи потаскаем?

— Это не входит в наши обязанности.

— А с виду крепенькие, не какие-нибудь научные сотрудники. И что же входит в «наши обязанности»? Вышибать мозги?

Подошел человек в официальном костюме с кейсом:

— Господин Кречетников, мы — представители тех структур, на которые было рассчитано ваше сообщение. Мы займемся вывозом документации. Разумеется, мы готовы немедленно оказать вам материальное содействие.

— Разумеется, я возьму. А иначе зачем я вызывал злых духов?

— Остроумно, господин Кречетников… Мне поручено выдать вам аванс в размере пяти тысяч долларов… Мы заедем вечером. Вы знаете, что нам нужно.

И «клерк», оставив в руках Андрея Кречетникова пачку денег, уехал вместе с «быками».

Всё, продажа Родины, а если точнее, памяти о Родине, состоялась. Кречетников не хотел сейчас искать себе оправданий, вертлявый Леня Уманский наверняка их напридумывал целую тонну…

Подошел Лёша, свесил челюсть, заметив деньги.

— А еще бедным прикидывался.

— Не было, теперь есть.

— Друзья подкинули?

— Типа этого. Лёша, распорядок дня такой. Выгружаем вещи, потом ты привозишь Севе сиделку — найдешь на заднем дворе горбольницы, где нянечки и медсестры перекуривают; смотри, чтоб у нее физиономия не испитая была. Потом сгоняешь со мной в одно место.

— Как скажешь, Андрей Андреич, ты теперь шеф.

Через час они пылили по разбитой дороге на бывший лабораторный объект НИИ. Чувствовал себя Андрей Кречетников никудышно, хотя сыну доставили сиделку, а бабка Ульяна оказалась любительницей чистоты. Почти у всех пожилых русских женщин в Шалшыке сын или сидел в тюрьме за украденный мешок картохи, или помер по пьяному делу, или напоролся на острый нож джигита. Всё произошло именно так, как планировали те, кто убивал в городе промышленность. Ульянин сын недавно умер на зоне от туберкулеза, и женщина сейчас голосила над Севой, как над покойником…

На середине пути Кречетников почувствовал, что за ними идет слежка. Плохонькая дорога была почти пуста, разок навстречу проехал потрепанный грузовик с каким-то хламом и все. Может — слежка сверху? Дрон или вертолет.

— Развилка, Андреич. Куда?

— Налево, Лёша.

Через двадцать минут остановились около строения, похожего на заброшенную ферму. Низкое, длинное, ни одного целого стекла.

— Мда, пикничок тут не устроишь.

Внутри строение напоминало цех. Только ничего целого — ржавое железо, волосья проводов.

Кречетников остановился около катушки из-под кабеля.

— Помоги сдвинуть.

Под катушкой нашелся люк, а за ним колодец, в глубине которого стояла вода — Лёша для проверки бросил кирпич.

— Ты ничего не перепутал, Андреич? Вроде не пил. Или от счастья забурел?

Кречетников спустился на пару метров по скобам, вделанным в стенку колодца, и стал вытаскивать ящики из боковой ниши. Недостачи нет. Три года, как он их законопатил. После удачного эксперимента. В тот день окончательно удостоверился, что сохранение воды, находящейся ниже точки замерзания, в жидком виде было результатом замедления потока времени. Х.солитоновые волны оказалась своего рода регуляторами этого потока, ускоряя, замедляя его или даже оборачивая его вспять.

При понижении температуры ниже нуля вода сохраняла структуру, характерную для плюсовой температуры и, более того, «боролась» против замерзания с помощью гармоничного колебания молекул. Как он тогда назвал — «танца».

— Потащили это хозяйство в машину.

Во дворе их уже ждали. «Паджеро» и три типа.

— Шпионить нехорошо. Мы же договаривались на вечер, — напомнил Кречетников «клерку».

— Мы решили подстраховаться от неожиданностей.

Стало давить на уши, неподалеку от них сел вертолет — лопасти продолжали гнать сор по разбитому асфальту перед «фермой». И не какой-нибудь трудяга «Ми-8», а иностранный, акулообразной формы.

— Я думал, что у меня будет время подготовить, так сказать, описание вложения.

— Ни о чем не беспокойтесь, у заказчика есть люди, которые прекрасно разберутся с вашим грузом, — улыбнувшись, сказал «клерк».

— Тогда передавайте привет Лене. Давайте рассчитываться.

— Мы должны оценить груз. Лишь после этого произойдет перевод денег на ваш счет.

— Какой счет? И почему я должен верить вашей шобле? Уманский один раз уже обчистил меня.

— Это ваша интерпретация, — равнодушным лицом и монотонным голосом «клерк» показывал, что слова Кречетникова его уже не интересуют.

— Возьмите сейчас один ящик. Убедитесь, это то, что вам нужно, перечислите часть денег. Потом получите остальное.

— Мы заберем всё и сразу.

— Священной собственность становится только когда оказывается в священных руках заморских господ. Потом никто и не вспомнит, что это было мое. Короче, ответ отрицательный.

— Ваше мнение учтено не будет, — глядя куда-то поверх головы Кречетникова, отбарабанил «клерк».

— Да неужели я сбагрю результаты многолетнего труда жирному спруту по имени «Сирл» всего за пять тысяч?

— Не заедайся ты с ними, Андреич, — сзади появился Лёша. — Пять кусков хорошие деньги, обустроишься. А от этих ящиков тебе и так толку не было, раз ты их в колодце держал.

Раздался легкий хлопок, похожий на звук пробки, вылетающей из бутылки. Кречетников обернулся — Лёша лежал, из его глаза в трещину на асфальте текла кровь.

— Как вы видите, свидетелей не будет, — сказал человек, показавшийся в двери вертолета, это он стрелял из пистолета с

глушителем, — теперь отойдите в сторону.

— Вы ж его просто так убили, а у него дети, между прочим!

Тот, что с пистолетом, помахал рукой около уха, показывая, мол, ничего не слышит из — за шума двигателя.

Уже не обращая на Кречетникова внимания, трое людей, приехавших на джипе, стали грузить ящики в вертолет. Вот и последний загружен, сейчас закроется дверь и машина взлетит…

— Ах ты, сука, — Андрей Андреевич впервые в жизни произнес такие слова. И, подхватив с земли железный прут, в первый раз в жизни бросился на кого-то с желанием убить.

Пуля свистнула около его уха, но он опустил прут на голову одного из «быков» — тот резко сложился. Из глубины памяти разом всплыли навыки — тридцать лет назад Андрей занимался фехтованием. Следующий удар — прутом в живот тому, что строил из себя клерка — этот отлетел, ударившись спиной об обшивку вертолета. Тут пуля пробила Кречетникову грудь под ключицей, сразу стало тяжело, но он еще ринулся к открытой двери взлетающей машины, бросился внутрь…

Кречетников был застрелен в упор, а его тело выброшено наружу.

4

Если не считать мелких шероховатостей, то всё ладилось уже десять лет подряд. Полный архив Кречетникова стал завершающим аккордом в этой симфонии счастья.

Через месяц после получения посылки из Шалшыка был проведен удачный опыт по возбуждению пакета х. солитоновых волн в воде — и ее молекулы упаковались в самый настоящий хоровод, стали дансикулами. Х.структурная вода не замерзала и при минус пятидесяти, превращаясь из-за кардинального повышения вязкости в самый настоящий жгут.

Первый жгут, второй, более длинный, третий. На ощупь напоминает холодную змею. Если жгут, закрутившийся при охлаждении направо, перекрутить налево, то спустя какое-то время он возвращается к прежнему правозакрученному виду. Фактически х. структурная вода обладала «памятью формы» — а если верить теоретическим построениям Кречетникова, восстанавливала прошлое состояние… Вообще-то извивающийся серебристый жгут производил жуткое впечатление, особенно поначалу. Оторвавшиеся от него капельки пытались подползти обратно, словно тоже обладали памятью.

Прошла еще неделя и случилась она — первая неприятность.

Лабораторный комплекс фирмы «Сирл», занимающийся изучением квазичастиц и х. структур, напоминал по своему виду Пентагон. Пять вложенных пентагональных стен — между ними лаборатории, офисы, служебные помещения. Переход на каждый следующий уровень — через шлюз.

Доктор Юмэн работал в лаборатории уровня «два» — там находился исследовательский реактор, из которого ни при каких обстоятельствах не должна была выйти х. вода. Герметичность гарантировалась системой датчиков. Руки исследователя заменялись манипуляторами, подключенными к его мозгу через нейроинтерфейс и разъем в районе третьего шейного позвонка.

После загрузки соответствующих психопрограмм в гиппокамп Юмэн воспринимал манипуляторы как свои руки. Каналы моторной шины передавали «руке» мысленные приказы исследователя, каналы сенсорной возвращали его мозгу ощущения — по упругости, форме, температуре материала.

Поиграв со «змеей» из х. воды, доктор Юмэн завершил свой рабочий день. Выйдя из четвертого шлюза, вдруг почувствовал капельку воды, упавшую ему на темя, не слишком защищенное волосами. Он посмотрел наверх — на мерцающей потолочной панели посверкивало шесть капель. Вот одна из них сорвалась на

пол, ненадолго растеклась, потом снова приобрела полусферическую форму… и поползла по пластиковому покрытию, вверх по стене и снова на потолочную панель, с которой упала пять минут назад. Эта жидкость вела себя также как х. структурная вода из реактора — восстанавливала прошлое состояние.

Лео потрогал темя — капли там не было. Уползла или — нехорошая догадка заставила Юмэна покрыться испариной — впиталась в тело?

Вспомнив уроки психотренинга, Лео заставил себя успокоиться. Х.структурная вода не яд, не живое существо. Вопрос лишь в том, как она здесь оказалась.

Чему-либо, пусть даже наноразмерному, выйти из исследовательского реактора невозможно. Кроме того, при проходе сотрудника через шлюз второго уровня происходит полное сканирование. Все имплантаты, которые находятся в теле, например, нейроинтерфейс или помпа в пенисе, должны быть прописаны в памяти управляющего компьютера.

На вопросы напрашивался один ответ — капли х. воды двигались не по «поверхности» эйнштейновского пространства-времени, а сквозь нее.

Поздним вечером Лео уныло просидел все время, положенное для джоггинга, на скамейке возле лужи, затем долго не мог заснуть.

Утром чуткая Джэд заметила пасмурный вид мужа.

— Что с тобой, дорогой, животик болит?

— А если не дорогой, а дешевый? Почему ты так уверена во всем, что ты, например, творишь последние двадцать лет?

— О, наступил период критики и самокритики. Да потому что я на той стороне, которая всегда выигрывает… Глянь, не хохма ли написана в нашей местной газете… На кухне мистера такого-то появилась живая свинья. Сожрав торт с семьюдесятью свечами, который был подготовлен для празднования дня рождения, она исчезла так же внезапно, как и возникла.

— Свинья? А еще что-нибудь про такое написано? — всполошился Юмэн.

— Может, где-то и написано «про такое», только мне этого достаточно…

— Думаешь, розыгрыш?

— Живешь здесь уже десять лет и не знаешь, что розыгрыши такого сорта совсем не в традициях местной культуры, тут юмор имеет свои четко ограниченные площадки. Разве что данную статейку тиснул неопытный журналист, которому пропишут за это горячую припарку. Ты, кстати, куда, даже кофе не допил? Эй,

остановись, копыта потеряешь…

5

Пэнроуз был, наверное, одним из лучших городов восточного побережья. Ради радостей Пэнроуза трудились дети Конго, торопились на службу клерки Гонконга и ломали голову техники Шанхая. Ради него спивались и умирали бывшие работяги четвертого мира. Но и в розовом раю Пэнроуза были свои оспинки. На бывшем складе резиновых изделий, между двух автосвалок, сидело семеро нелегальных эмигрантов из Никарагуа, разоренной недавним «восстановлением демократии» при помощи ударных дронов. У них не было денег — все забрали посредники, не было документов, закончилась еда. Любопытную ворону, случайно залетевшую в форточку, они сварили и съели два дня назад. Никарагуанцы ждали своего последнего посредника, который должен был загрузить их в фургон и отвезти в один из мегаполисов восточного побережья, но тот всё не появлялся. А деньги-то уже взял.

Шестеро метисов и один мулат могли напиться из-под крана и повспоминать последний обед. А что потом — сдаться полиции? Тогда депортация в Никарагуа, где их с интересом ожидали кредиторы с мачете — те, что ссудили им сумму на дальний рейс.

Электричество на складе было, но света никарагуанцы не зажигали, чтоб не привлечь внимание какого-нибудь местного — приезжие знали, что тут все стучат. Поэтому с заходом солнца тихо пели или молились. Никто не спал, успевали выспаться на резиновых покрышках сто раз еще днем.

Около полуночи в помещении почувствовался странный запах.

— Ты что обосрался, Рамон? — испуганно спросил Карлос. Им только не хватало тут дизентерии.

— У меня задница давно уже в простое и паутиной покрылась…

— Вы что, человеческую вонь не можете отличить от запаха свинского дерьма? — осудил неопытных коллег самый мудрый, седой мулат Джон. — Гонсало, включи фонарик.

Каково же было удивление никарагуанцев, когда они увидели посреди помещения свинью, уже накидавшую кучку кое-чего пахучего.

— Как есть хочется, — протянул один.

— Заткнись, нам ее и не приготовить, — резонно произнес другой.

— На плитке, по-маленьку, — стал канючить Гонсало, самый младший.

— Ты ее и зарезать не сможешь, — кинул опытный Энрике.

— Я и тебя смогу, — экспансивный юнец рванул майку на груди.

Перепалка не перешла в серьезную ссору. Никарагуанцы по-крестьянски уважали старших, а Джон ссориться запретил. Шестеро мужчин схватили свинью крепкими мозолистыми руками, а седьмой воткнул нож ей в шею. Свинья была хорошо воспитанной и околела быстро.

— Тьфу, она мокрая что ли? — почувствовал один.

— Вода не вода, слизь какая-то, — оценил другой.

— Может, она больная?

— Микробы при жарке погибнут, — просветил Рамон.

Мудрый Джон покачал головой, показывая, что согласен.

Вскоре все радостно участвовали в процессе разделки туши и жарки мяса. Дело шло медленно, почти торжественно и когда самый молодой, Гонсало, уже насытился, самый старый и терпеливый только отправил в беззубый рот первый кусочек.

И тут юнец испортил праздник:

— Что-то мне нехорошо.

— Пережрал. Малыш, марш в сортир и сделай два пальца в рот, — распорядился мудрый Джон.

Сортиром они называли небольшой закуток неподалеку от двери, где имелась дырка, уходящая куда-то в подвал.

Бледный юноша на полусогнутых послушно направился по указанному адресу.

Остальные продолжали есть, хотя и с меньшей жадностью, задумчиво всматриваясь в куски, слегка подмазанные лунным сиянием.

— Сходи, глянь, — велел Джон Карлосу минут через пятнадцать. — Не окочурился ли он там.

Карлос нехотя оторвался от еды, а чуть погодя раздался его сдавленный голос:

— Гонсало исчез.

На месте пропавшего парня осталась только небольшая лужица вязкой и слегка серебристой жидкости…

После разговора Юмэна с Мэнсоном весь лабораторный пентагон был проверен микрон за микроном на предмет нарушения герметичности, секретности и утечек. Никаких дефектов не нашлось, все работало великолепно, со стопроцентным соблюдением правил и предписаний.

— Если это не было случайностью, Лео, готовься к большим неприятностям, — подытожил Мэнсон. — Извини, отмазывать тебя не стану, у нас это не принято. Тебе вспомнят всё, в том числе желание избавиться от Кречетникова. Кстати, он — труп.

Это не входило в цели нашей группы, но так получилось.

Но вовсе не о судьбе Кречетников думал Юмэн, его столь блистательная карьера сейчас могла завершиться. После карьерной смерти придет тусклая загробная жизнь, он отправится мыть пробирки в лабораторию какого-нибудь штатного университета для тупых. Прощай тогда полеты на выходных во Флориду.

— Скорее всего, мы столкнулись с феноменом, который современная наука не может объяснить, — сказал Юмэн.

— А Кречетников бы попробовал и, возможно, двинул бы науку вперед. Он был ученый, а ты, Лео, к сожалению, только менеджер.

— Этот ученый никогда бы не стал работать на «Сирл» как я, преданно и дисциплинированно.

— И в этом ты, Лео, к сожалению, прав.

Два дня Юмэну казалось, что эпизод с каплями был случайностью, а заметка о появляющейся — исчезающей свинье в местной газете просто розыгрышем.

Однако на третье утро Джэд, выйдя с планшетника на сервер местных новостей, сказала:

— Вот это уж точно не розыгрыш. За последние два дня одного типа, похожего на нелегального эмигранта, видели в трех супермаркетах. Появляется, хапает, что ему надо и исчезает к тому времени, когда приезжает полиция.

На видеозаписях был виден невысокий метис, бредущий по пустынному проходу между полок магазина. Вот он взял что-то, похоже на бутылку текилы, а затем словно превратился в рельеф или контур… и все, как будто и не было.

— На тебе лица нет, Лео.

— Хоть дома не кличь меня так, папа и мама назвали меня Леней, — пытаясь продышать ком в горле, выдавил Юмэн.

— Это связано с использованием ноу-хау Кречетникова?

— Боюсь, что да, — отозвался Юмэн и вдруг выкрикнул. — Он смеется надо мной, сидя на облаке. Сегодня ночью пришел ко мне: «Леня, твоя единственная сильная сторона — свинцовая задница». С чего ты взяла, что всё сойдет нам с рук?

Джэд подошла к Лео и сжала его лицо своими ладонями. Между ее холеными пальцами виднелась потная физиономия воришки с жадными сальными губами.

— Он не совсем прав, этот черт из твоего трусливого сна. Любой талант на 90 % состоит из усидчивости и упорства. Твоя проблема, Леня, не интеллект, а трусость. Теперь посмотри на меня. Мы разберемся с этим, всё пойдет нам на пользу. Нам, а не кацапу, заслуженно гниющему в могиле.

Юмэн не сразу поехал на работу, а сперва появился в том супермаркете, где накануне отметился странный латино. Полиции здесь уже не было, и Лео прошелся вдоль полок, несколько раз проводя рукой под ними. На нее он одел перчатку из синтекожи, усиливающей через наноактуаторы любое изменение поверхности.

В одном месте — как он и ожидал — перчатка почувствовала что-то склизкое и подвижное. Он поднес пальцы, затянутые синтекожей, к глазам. Пожалуй, на перчатке были даже не капли. А что-то напоминающее икринки…

На работе Юмэна уже ждала приятная компания: Мэнсон, Верикокка, какой-то важняк, работающий на правительство, плюс благообразный с виду перец, в котором можно было узнать главу адвокатской конторы. Собрались прямо в его кабинете.

— Лео, все присутствующие хотят видеть тебя на вертеле, — начал Мэнсон. — Наш многоуважаемый адвокат предлагает пожертвовать тобой. Ну кто ты такой? Эмигрант с темным прошлым, ранее работавший в закрытом институте у комми. Может, шпион? Ты идешь в тюрьму, «Сирл» спасается от исков на десятки миллионов.

— Дерьмовый план, я предложу вам лучший, — после разговора с женой Лео все еще чувствовал бодрость. — Но сперва краткий экскурс в историю. Чтобы создать знаменитый «зерновой пояс» Америки, сперва надо было перестрелять там бизонов и переморить индейцев — некрасиво, но полезно, а красоту можно потом навести… Сейчас время хаоса, но из хаоса вырастает порядок. И это будет наш порядок, который мы назовем очередным достижением нашей демократии.

— Звучит многообещающе, в стиле предвыборного шоу, — похвалил Верикокка. — Что вы конкретно предлагаете, доктор Юмэн?

— Провести смелые испытания с х. структурами, не боясь неудачных промежуточных результатов и возможных потерь. В итоге это даст нам власть над временем, как над материей. У нас же нет конкурентов.

— Вы так в этом уверены? — Верикокка потянул губы на левую щеку. — У меня в столе лежат полная копия следственного дела по Кречетникову-младшему. Его дважды переехал джип, вполне достаточно, чтобы отдать концы. А он жив.

6

Когда Юмэн вернулся с работы, то не нашел ни жены, ни дочери. Джэд отправилась на западное побережье — к Лолите По. (Вчера Юмэн заметил, что жена заказывает в интернет-магазине вибратор с десятью встроенными функциями и управляющим процессором.) Джулия укатила вместе с бойфрендом на спортивные соревнования. Джейк, как всегда, сидел после занятий в своей комнате, запершись, и на стук дверь отозвался кратко: «Отвали». Уже полминуты спустя сквозь мощный шум компьютерного кулера было слышно кряхтение — виртуальный мир «Порнократия — Рим эпохи упадка» снова втянул Яшу в себя. Посреди ночи он понесет свое стокилограммовое тело в туалет — сливать в канализацию плоды своего труда, заодно выбросит в мусорный ящик перегоревшие боди-коннекторы.

В отсутствие жены уверенность стала выходить из Лео, как вода из треснувшего бака. Нужна была гипотеза. Юмэн не был силен в абстракциях, но зато мог заглянуть в последние записи Кречетникова.

Известное нам Настоящее — лишь тонкая мембрана между Преднастоящим и Посленастоящим. По сути, пленка пространственно-временного континуума, с обеих сторон от которой Большой мир. Время течет из Будущего в Прошлое, просачиваясь через эту мембрану, порождая на ней все реальные объекты. Кречетников создал х. структурный инструментарий, который, так сказать, позволяет сужать и расширять поры этой мембраны, чтобы ускорять, замедлять и даже поворачивать потоки времени. Как следствие — возвращение прошлых состояний (из Посленастоящего), возможна встреча с прототипами объектов (из Преднастоящего). Изменения в ходе времени ведёт — в рамках пространственно-временного дуализма — к деформациям пространства. Как следствие — мгновенные перемещения объектов. Возможны изменения в структуре объектов. Крайний вариант — пробой континуума…

Юмэн понимал, что если он не примет смелого и правильного решения, то окружающий его уют рухнет. Пусть даже юристы «Сирла» отмажут его от суда и тюрьмы, чтобы не выносить сор из избы, но из фирмы вышибут с треском. После чего никто никогда не возьмет доктора Юмэна на приличную работу. Дом пойдет с молотка, пожалуйте в квартирку с вечно забитой канализацией и вонючими лестницами где-нибудь в Бронксе. Женой будут пользоваться личности разной ориентации, в том числе Мэнсон, который разок уже трахнул ее после

совместного барбекю. Дочь вряд ли станет работать официанткой в кафе, учитывая ее наклонности, примется обслуживать ковбоев на трассе. Сына погонят из университета. Сам-то он в жизни палец о палец не ударит, подключит китайский нейроинтерфейс к мозгам и уплывет по волнам киберонанизма, из которых возврата нет.

Юмэн выудил из кармана пиджака пакетик с тем, что он соскоблил с полки в супермаркете.

Большая капля вязкой жидкости, может, и слизи, а посередине вроде ядрышко. Действительно напоминает икринку.

Юмэн выдавил ее на руку, предусмотрительно облаченную в перчатку из синтекожи. Она потекла по глянцевой поверхности, не оставляя следа, а потом, раз и «провалилась». Юмэн не успел как следует испугаться — икринка появилась на тыльной стороне перчатки. Это что, она прошла по «подпространственному» каналу?

Изогнув ладонь, Лео заставил икринку прокатиться по синтекоже до кончика пальца, подставил другую руку. Икринка упала на нее, «провалилась» под синтекожу и… больше не появилась. Юмэн сорвал перчатку, и ничего не нашел. Икринка исчезла или оказалась внутри его тела.

Доигрался!

Через несколько минут Юмэну показалось, что икринка уже где-то в районе его крестца, а из нее выходит что-то червеобразное, ползет вверх, обвивая позвоночный столб, проникает в череп…

Сердце заколотилось, так недалеко и до инфаркта. Надо поискать что-то успокоительное. Лео стал рыться в ящиках своего обширного стола и внезапно осознал, что почти ничего не видит. Шкаф, экран компьютера, картина Саврасова на стене (оригинал, между прочим) — расплываются перед глазами, будто от сильного конъюктивита по ним растекся гной. Остальное затянуто серебристой дымкой. Дымка становится все гуще, пятна растягиваются в полосы, появляется ощущение движения или, скорее, падения в пропасть…

Лео инстинктивно прижал руку ко рту, чтобы его не вырвало, но не увидел ее, не почувствовал рта; у него как будто не было тела.

— Что со мной, что?

Дымка вдруг потончала, обернувшись серебристой паутиной, полосы превратились в пятна, а те начали набирать плоть.

Ему теперь казалось, что он скользит червеобразным телом по поверхности воронки.

Внезапно Юмэн увидел перед собой что-то, напоминающее

картинку из анатомического атласа. Куст кровеносных сосудов, красный клубень сердца, бурые веревки сухожилий, глаза вроде ягод на стебельках. Да это же прототип живого объекта.

Прозрачная поначалу плоть обретала цвет, густоту.

Было слышно биение крови в сосудах формирующегося человека, ощущалось натяжение его мышц, стало видимым напряжение лобных долей его мозга, похожего на клубничное мороженое в стеклянной вазе.

И вот уже перед Юмэном стоял молодой латино. Из серебристых нитей соткалась и обстановка вокруг — ювелирный магазин «Сваровски» — здесь они с Джэд были не столь давно. У Юмэна снова имелось тело.

Латино полуобернулся и его рука прошла прямо сквозь стеклянное заграждение, за которым лежало брилльянтовое колье. Так же сделал и Юмэн. Вместо стекла он почувствовал лишь легкое натяжение поверхности, как у воды. Затем взял изумрудную брошь и поднес к лицу. Латино поощряюще засмеялся, а Юмэн отправил брошь в карман.

Неожиданно заверещала сирена, Юмэн чуть не обмочился, но снова сгустилась дымка и возобновилось падение. А когда оно прекратилось, то Юмэн увидел себя на автомобильной свалке.

Латино скалился, видимо, прикалываясь над его обалдевшим видом. Юмэн сунул руку в карман, изумрудная брошь была там. Машинально глянул на запястье — часы показывали, что в окружающем мире по-прежнему семь часов. И также машинально отметил то, что давно стало известно Андрею Кречетникову — поток времени организует пространство, а пространство способно свертываться, создавая канал ускоренного времени. Взгляд Юмэна, опять же машинально, перешел на молодого латино. Тот, покрутив на ладони колье, исполнил несколько па из сальсы.

Лео подумал с ужасом — он же вместе с этим типом обворовал ювелирный магазин. И когда полиция поймает метиса, тот заложит и подельника.

Латино махнул рукой, показывая куда надо идти, чтобы выбраться со свалки, и повернулся. В этот момент доктор Юмэн подхватил с земли какой-то ломик и вбил метису в нестриженный затылок. Латино попытался повернуться, но упал. А Юмэн ударил его в голову еще несколько раз, наконец железо ощутимо пробило кость и вошло во что-то мягкое. Смуглый юнец, пару раз дернувшись, замер.

Голова латино была залита кровью, в районе виска выступило мозговое вещество, стопроцентная смерть.

7

Последний раз Сева видел отца вскоре после переезда к бабке Ульяне. Тогда старший оставил под его подушкой четыре с половиной тысячи долларов.

Тысячу Сева отдал за похороны отца, остальное украла сиделка. Где-то через месяц появилась тетка из собеса — Сева сам попросил бабу Ульяну ее вызвать — и беспомощного больного, не имеющего родственников, отправили в Дом инвалида на заросшую бурьяном улочку, анекдотично именуемую Цветочной. (Но когда-то здесь и вправду росли розы.) Кречетников называл население своей палаты «космонавтами» — большинство из них ходило под себя, как и первые люди в космических кораблях. Да и атмосфера была замкнутой, спертой, словно в кабине «Востока» — один старичок боялся сквозняка и за открытую форточку мог побить палкой.

Сева был лежачим, так что приходилось обходиться без прогулок. Зато даун Коля часто выходил в «открытый космос», после чего приносил в палату полевые цветы, ветки, сломанные вещи, ржавые железяки — было что поразглядывать.

От нечего делать Сева обдумал все проблемы мироздания, особенно тщательно вопрос — время течет с нами или навстречу нам. Если навстречу нам, то получается, что каждое мгновение оно обновляет и пересоздает нас, и уносит в Прошлое наши копии. Сева принялся вспоминать свою жизнь, час за часом, максимально подробно. Без эмоциональных оценок, без вздохов «как мне не повезло». Когда он уже подходил к концу биографии, его вдруг осенило. Джип с темирхановской кодлой два раза наезжал на него. Два раза из машины выходил пахан и гундосил: «Дышит мразь. Давай опять». Но Сева выжил. Словно наплывала какая-то серебристая дымка, она двигалась куда-то, унося его с собой, боль исчезала, а машина превращалась в рой пятен… Он оставался будто в пустоте, странной, прорезанной сияющими серебристыми прожилками. Он висел в ней, не чувствуя тела, не слыша своего дыхания…

Но вот закончилась биография. А еще исчез Коля — люди с синдромом Дауна ведь недолго тянут — больше ничего нового в палате не появлялось, если не считать за новое кал и мочу. Сева решил восстанавливать в памяти то, что когда-то читал в «Знание — сила», номер за номером. Но в потоке воспоминаний теперь часто наступал затык. Зачем воскрешать знания, которые не несут никакой силы? Он, несмотря на все упражнения, только шевелит левой рукой. Что у него вообще работает? Лишь брюхо да одна

рука — из хомо сапиенс получился брюхорукий моллюск.

Сева стал концентрироваться всего на одном эпизоде — уходе в серебристую дымку, когда его давили автомобилем. Порой ему казалось, что он и сейчас может окунуться в нее. Через неделю тренировок ему как будто удавалось почувствовать некий поток. Его словно тянуло вперед, потом вниз, и уже проглядывалась багровая воронка — в нее можно было упасть и не вернуться. С каждой тренировкой он приближался к ней все ближе. Завтра должно было получиться…

Километрах в трех от Дома инвалидов стоял монастырь. Прослышав о тяготах пребывания в сем мире сирых и убогих, тамошняя игумения стала назначать послушания для монахинь — помогать, как и встарь, несчастным.

И в тот день, когда Сева собрался добраться до багровой воронки, в палату вошла монахиня. Это была женщина непонятного возраста и почти бестелесная, отчего глаза ее выглядели большими, как фонарики. Что самое любопытное — в руке у нее был посох.

— Ну, заблудшие души, выходи строиться по одному… Так, ты отдыхай, — она вытерла олигофрену слюни, — ты, дедушка, лежи не стесняйся, Бог с тобой, — она побежала и вынесла за стариком судно.

— Так, а ты на что жалуешься? — инокиня остановилась около кровати Севы.

— Уже не на что, матушка…

— Ефросинья.

— Разве что надоело мне тут, матушка Ефросинья… простительно ли желать, чтобы этому наступил конец?

— Надо искать не конец, а выход — а его можно найти, с Божьей помощью, даже в самой казалось бы безвыходной ситуации. Хочешь я тебе почитаю? — она взбила подушку лежачему больному и открыла окно проветриться; старичок неожиданно проявил высокую сознательность, не стал выступать.

— Душеспасительное?

— Непременно.

— Вы считаете, что я получил то, что заслуживал?

— Я думаю, что ты стал таким, чтобы душа твоя сделалась сильнее.

И монахиня, достав из сумы книгу, принялась читать, конечно же, в выдержках. Это был труд святого Григория Паламы о «божественных энергиях».

— Значит, благодаря неприятностям, душа может стать такой сильной, что «обожит» и тело, даст ему новые свойства?

— Палама знает, что пишет. Ладно, я пойду, мне еще

несколько палат обойти.

— Благословите, матушка. Так ведь, кажется, говорят.

— Только матушка игумения может благословлять. А я тебя перекрещу, раб Божий.

— Спасибо. Посох, пожалуйста, не забудьте.

Когда она ушла, ему было легко, будто легкий вечерний ветерок поднимал его над кроватью. А потом он заснул и летал над сиреневым садом, где бродили неведомые, но мирные звери с прозрачными глазами. И лишь где-то в глубине сотрясали землю голодные бесы.

А в это время на другом краю города приземлился геликоптер. Вскоре над Шалшыком стало курсировать и два дрона с функциями протоинтеллекта.

Из приземлившейся машины вышло шесть человек. Юмэн, его жена Джэд, Мэнсон, техник из «Сирла» и двое бойцов из силовых подразделений «Пиллума». Эти трое стали выгружать ящики с оборудованием в подкативший «Паджеро». Затем подъехал еще один джип.

По окончанию перегрузки вертолет взмыл и словно исчез в палящих лучах солнца, а джипы двинулись по дороге. Но, когда они выезжали с грунтовки на асфальтированную трассу, им перегородили путь пара внедорожников «Ландкрузер», откуда вышло семь представителей клана Темирхановых, числившихся в ЧОПе «Раис».

Из переднего «Паджеро» оперативно выскочил водитель, направился к темирхановцам.

— Я — Рахимов, вы меня знаете.

— Ну и что. Кто там, в машинах? — спросил главный из темирхановцев, именуемый Бабак.

— Туристы.

— Что-то барахла у «туристов» многовато.

— Это ж у них для работы.

— Какой еще работы? Говорил «туристы», забыл что ли, ослиная голова. Для работы надо было заранее с нами согласовывать. Пусть выходят по-быстрому и манатки свои выносят. А там видно будет. Заранее скажу, что Камал их оштрафует.

Водитель вернулся к джипу. Задние дверцы его распахнулись и оттуда вышло двое: Юмэн в костюме-тройке и Джэд в комбинезоне из метамерных материалов, поспешно сдвинулись в сторонку.

— У меня уже зудит, — оценил «телку» Бабак.

Остальные темирхановцы разом осклабились.

— И мы за эти буфера подержались бы…

— Эй, Рахимов, — крикнул Бабак, — скажи, чтобы остальные пошевеливались, а то уже скучно.

Тут над головами у темирхановцев что-то хлопнуло и все вокруг них мгновенно заволокло бурым дымом, который лез в глаза в легкие, вызывая неудержимые слезы и кашель.

Это боец из «Пиллума», оставшийся в заднем джипе, отстрелил через верхний люк аэрозольный заряд. Темирхановцев он видел во всех видах, обведенных контурами целеуказателя. Дрон передавал изображение на линзопроекторы, которые проецировали его на сетчатку глаз у бойца.

Другой боец из «Пиллума» поднял ствол и плачущие темирхановцы услышали второй щелчок. Из раскрывшегося над их головам миниконтейнера вылетела и развернулась сеть. Сверхпрочные нити из углеродных нанотрубок опустились на них и начали стягиваться, превращая темирхановцев в сплошной кокон, из которого доносились быстро слабеющие крики.

— Прямо скульптурная группа, Лаокоон с сыновьями, удушаемый змеями, — хмыкнул культурно подкованный Леня — не зря мама таскала его по музеям и школам искусств.

Впрочем, один из темирхановцев, Бабак, успел отбиться от общего стада и сейчас удирал по трассе, сверкая протекторами.

Неожиданно прямо перед собой он увидел женщину, ту самую, что первой вышла из джипа.

— Что у тебя там зудит?

Бабак рванул в другую сторону — но несколько секунд бега и она опять перед ним.

— Уйди, сука, — он потянул из-за ремня пистолет.

Не успел. Она оказалась позади, а пуля, выпущенная из маленького дамского пистолета, вошла ему в затылок.

Едва ли через полчаса после происшедшего на окраине города, старший Темирханов, Камал, заканчивал рабочий день в городской администрации. Обычно он сидел в кабинете допоздна, но последние пару часов играл в шишбеш с охранником или, уединившись с секретаршей — пухлой белобрысой Светой — «кушал дыни», как он выражался.

Но сегодня ему не хотелось ни играть, ни кушать Светины дыни. Возможно, он уже ощутил присутствие непрошенных гостей в своем городе. Потом позвонили из полиции — найдены трупы, смерть наступила от удушения как будто леской, все жертвы из ЧОПа «Раис». Бабак, двоюрдный брат мэра, обнаружен чуть поодаль от дороги, с пулей в черепе. И конечно же, «не волнуйтесь, Камал Нишанович, преступников найдем.» Это не взбодрило старшего Темирханова. Видать пожаловали сюда не простые «отморозки», раз не побоялись так нагло себя вести в его

городе.

А тем временем по улице Бату-хана, бывшей Гагарина, по направлению к зданию городской администрации шёл человек. Впрочем, «шел» — это слишком слабо сказано. Отрываясь от поверхности мира, он проползал длинным извилистым телом сквозь Преднастоящее, где люди казались все лишь кустами кровеносных сосудов на стенках воронки.

Лео Юмэн внезапно возник перед мэром, который занимался тем, что, мрачно сведя брови, смотрел на гущу, оставшуюся на дне опустошенной чашки — Темирханов всегда пил маленькие порции крепчайшего кофе без сахара и запивал водой, по-турецки.

При появлении гостя мэр встрепенулся и плеснул в того водой из стакана. Каково же было удивление Темирханова, когда вода превратилась в голубой жгут на руке у нежданного посетителя.

— Не удивляйтесь, это всего лишь время, — сказал тот. — Оно может течь медленнее и быстрее, может давать силу и порядок и может забирать, оставляя разруху.

Темирханов понял, что это один из тех, кто уничтожил ЧОП «Раис».

— Вы не из корпорации «Фримайнс»? Я всегда помогал службе безопасности на ее рудниках, которые расположены неподалеку от нашего города. И тогда, когда возникла проблемка с агрессивными профсоюзными вожаками.

— Помню, один из них был найден без головы, другой просто исчез. Нет, мы, скорее, имеем отношение к самому высокотехнологичному сектору экономики.

— У меня тут ничего особотехнологичного нет.

— Уже заметил — у вас тут ничего нет, кроме феодализма. Но от вас ничего и не требуется. Не мельтешить, не кричать «караул»; мы с неделю поработаем в вашем городе и отбудем восвояси.

— Ну… разумеется. Я мог бы вам порекомендовать очень хорошую резиденцию.

— Господин Темирханов, вам что-нибудь известно об объектах НИИ волновых сред, которые были настолько секретны, что оказались не приватизированы?

— Нашелся такой — где убили ученого одного, сейчас взят на баланс города… Но ничего, кроме хлама, там нет.

— Где младший Кречетников, который стал жертвой сфальсифицированного вами судебного процесса?

— Так уж и сфальсифицированного, — недовольно пробурчал мэр; его голова, «съев шею», столь плотно села на плечи, что он

стал напоминать кабана.

— Это вам надо было сидеть на скамье подсудимых, за попытку убийства парня, который всего лишь набил морду вашему сынку… Где Всеволод? Только без придури, вы наверняка знаете.

— Где, где… В доме инвалидов на Цветочной, тридцать два.

— Лежит?

— Прочно.

— Нам понадобится детальный план города. Чтобы любой из наших людей, подходя к какому-нибудь сараю, получал на экран «дополненной реальности» информацию… к примеру, это Дом культуры, построенный за государственный счет в таком-то году, а ныне превращенный вами в бордель.

— Послушайте, мил человек. Конечно, тут бывало всякое — эпоха ж перехода к демократии — но за последние годы я столько всего построил. К примеру, университет имени Девлет Гирея, где преподают шейхи из Саудовской Аравии.

— Сколько из выделенных на это госмиллионов прилипло к карману? И что там преподают шейхи — ваххабиты, как горло резать неверным, слева направо или справа налево? — гость неожиданно оказался за креслом мэра.

— У меня есть пара профессионалов, занимающихся координатной информатикой, — зачастил мэр, поводя напрягшимся загривком.

8

Около восьми вечера по радиоточке прозвучала новость о нападении на сотрудников ЧОПа «Раис». Матерых темирхановцев убили высокотехнологично — скорее всего, сетью из УНТ со встроенными наноактуаторами. Высокотехнологичные убийства не в стиле местных банд. Похоже на визит людей из-за «бугра», может сам «Сирл» прислал команду, подумал Сева. Так что пора давать деру — хотя бы к Рашиду, все-таки старые кореша. Только вот как?

Хоть самокритичный Сева и называл себя «брюхоруким», но за последние два месяца ему удалось вернуть левую руку практически в нормальное состояние. Постоянными упражнениями — по три-четыре часа в день. Учитывая, что был он левшой — уже немало. Правая, на которой он сперва едва шевелил пальцами, могла к нынешнему времени немного сгибаться в локте и сжимать ладонь.

Рядом с ним находилась койка старичка, что в очередной раз испортил замкнутую атмосферу, а возле стояла инвалидная коляска, которой дедок почти никогда не пользовался. Удобно стояла — под левую руку. Сева подтянул ее к себе, а потом стал садиться, опираясь на спинку кровати. Легко сказать, если большая часть тела представляет собой неуправляемый мешок.

Минут через двадцать он как-то разместился в коляске и, толкая левой рукой то одно, то другое колесо, поехал. Из палаты в коридор, из коридора в лифт, с первого этажа во двор. Вахтера в его кабинке почему-то не было видно — впрочем, если б Сева мог приподняться, то увидел Петровича, лежащего на полу с перерезанным горлом. И сразу бы понял, что работу сделал профессионал — тот, что уже резал глотки сербам в Косово и христианам в Сирии.

Во дворе Сева мгновенно заметил джип «Паджеро». Тут уж никаких сомнений — приехали «гости». Солидные, не чета убогим родственникам пациентов инвалидного дома.

На водительском сиденье, за приоткрытой дверцей и опущенным стеклом, сидел человек в черной униформе. На инвалида, катящегося по двору, он не обратил особого внимания — водитель знал, что искомый объект есть лежачий больной, которого скоро вынесут на носилках.

И не обращал внимания до тех пор, пока инвалид не подобрал кирпич с земли и не швырнул ему в голову. Но теперь было поздно. Дверь распахнулась полностью и тело водителя выпало.

Сева подъехал вплотную к джипу и стал перегружать себя на водительское сиденье. Через пять минут получилось. Ручник удалось поднять левой рукой, ключ был на месте. Коробка передач — автоматика. Хорошо, что по этому случае не три, а две ножные педали, но как дотянуться? Впрочем, человек, выпавший из машины, оставил на соседнем сиденье короткоствольный автомат. Решение найдено. Им и будем дотягиваться.

— Вы погубили свою душу окончательно. Вы человека убили.

Рядом стояла матушка Ефросинья со своим посохом — выходя на улицу, она так же не увидела мертвого вахтера в его кабинке — из — за своего невеликого роста.

— Это боец, — отозвался с некоторым смущением Сева. — Он из тех, кто сегодня уже две машины трупов наделал. Да может я и не убил — у них кочаны крепкие.

— Вы не лежачий больной, вы обманщик, — монахиня возмущенно повернула голову в сторону.

— Да с такими гостями я — бегущий по волнам.

Сева увидел, что во дворе появилась еще одна фигура. Внезапно.

— Ради Бога, в машину, я потом всё объясню.

Неожиданно инокиня послушалась.

— Рычажок в положение «D», только еще кнопочку на нем надавите.

Сева дал «газ» стволом автомата и джип поехал.

Внезапно прямо перед ними возникла женщина в комбинезоне странно переливающегося окраса.

— Остановитесь, там человек! — оставив обычную степенность, крикнула монахиня.

— Да что вам везде человеки мерещатся? — Сева только прибавил скорость.

Фигура исчезла также внезапно, как и появилась.

Монахиня охнула и перекрестилась.

— Ничего особенного, камуфло из метамерных материалов.

На крыше громыхнуло, Сева немедленно поднял ствол вверх и, успев сказать монахине «уши зажмите», дал два одиночных, отчего что-то слетело с машины. Потом снова занялся педалью газа.

Монахиня, придя в себя, ошеломленно смотрела на него.

— Это уже не камуфляж. Что-то похуже… Матушка Ефросинья, рычажок на коробке передач переведите в положение «3».

— Может, вы мне наконец что-нибудь объясните, Бога ради?

— У нас есть пятнадцать минут, чтобы добраться до нужного места… Помогайте же мне держать руль, одной левой руки на все

не хватает… А теперь рычажок — снова в положение «D»… Мой отец занимался генерацией уединенных волн в НИИ волновых сред…

— И что из этого следует?

— Институт закрыли вскоре после того, как был уничтожен Советский Союз. Потом пришла архаика, набег, приватизация. Значительная часть технологий попала в нехорошие руки, остальное пропало, кое-что сохранил мой отец. И, возможно, приумножил. Даже когда все рухнуло, он продолжал самостоятельно заниматься разработками. Боюсь, что после того, как меня отдали под суд, отец продал то, что у него было.

— Но зачем?

— Спуститесь с облака на землю, матушка Ефросинья. Или вы даже радио не слушаете, не знаете, какая тут оказия со мной приключилась.

— Вы были главарь банды и совершили много грешных дел. Рассказала мне директриса час назад.

— Неохота оправдываться, да и времени нет.

— Кто вас изувечил?

— В смысле, надел наручники и положил под джип? Люди из ЧОПа «Раис» при Темирхановых.

— Сегодня погибло семь человек из этого» Раиса». Какие вам еще нужны доказательства, что воздаяние должно давать Небо?

— Это вы мне, что ли, мстить запрещаете?.. Попрошу рычажок на «N».

Автомобиль остановился.

— Помогите выбраться… Вот та штука, похожая на электросчетчик… приделанная к дереву, это часть измерительной аппаратуры, отец много ее расставил по городу, маскируясь под электромонтера. Она фиксирует потоки квазичастиц. Так, снимаю показания… Похоже, что из каналов лезет что-то малоприятное.

— О чем вы говорите?

— Технология, разработанная моим отцом, позволяет проделать своего рода каналы в «поверхности мира» — он рассматривал ее как мембрану между Посленастоящим и Преднастоящим. Но сейчас по ним перемещаются… Та тварь, что приземлилась нам на крышу, боюсь, из их числа… Елки, как я сразу не догадался, что люди из «Сирла» ведут наблюдение за городом с дронов.

Джип, угнанный Севой, стоял на грунтовой дороге, проходящей по оврагу. С обеих сторон от «Паджеро», метрах в сорока, уже встали машины. Пока просто помигивая мощными фарами. Виднелись огоньки и на высотах, нависающих над оврагом. Почти полное окружение, вот только узкая тропка

уводила через кусты вдоль склона куда-то наверх.

— Матушка Ефросинья — это тропка для вас. Пожалуйста, пожертвуйте благочинием и припустите по ней как можно быстрее.

Ни слова ни говоря монахиня выскочила из машины и побежала; Сева подумал, что из матушки Ефросиньи при иных обстоятельствах получилась бы неплохая бегунья. Ну, а какой расклад у него? Автомат АКСУ с одним рожком. Подвижность практически нулевая. Можно сказать, готовая мишень.

Сева выбрался или скорее плюхнулся на грунт, заполз за дверцу, поставил автомат на стрельбу одиночными. Стало настолько тихо, что он почувствовал… три фигуры движутся от переднего внедорожника.

Как это почувствовал? Сева даже подумал, что у него на глазах линзопроекторы, выдающие картинку «дополненной реальности». Да только откуда — такие цацки стоят бешеных денег.

Или… мы все — нестойкие образования, создаваемые потоком времени на некоем порожке, именуемом Настоящее. Своего рода завихрения в потоке…

Ладно, откуда да зачем, потом выясним. Поставив автомат рожком на землю и уперев его с одной стороны в булыжник, Кречетников выстрелил три раза одиночными. Итог — два жмура, плюс раненый, этот пополз обратно.

Сева, пока лежал на койке, понял, что с профессиональными хищниками в честные поединки играть нельзя, поэтому четвертым выстрелом добил подранка.

Тут началась пальба — очередями, от той машины, что стояла сзади.

Сева поменял позицию, чтобы его прикрывал корпус джипа. Кажется, он опять воспринимает возмущение в потоке времени — кто-то несется на него во весь опор. Кречетников нажал на спусковой крючок — всё, уложил атакующего, лежит шагах в двадцати.

Остальные боевики грызли очередями, но неметко, большинство пуль оседало в корпусе джипа, остальные рикошетили от дороги или застревали в склонах оврага.

И, тем не менее, преимущество было на их стороне — боеприпасов немерено, сверху ведут наблюдение дроны. Поэтому те, кто сидит на краях обрыва, скоро поймают его в свои инфракрасные прицелы.

Однако и самый плачевный исход все равно лучше, чем гнить в доме для инвалидов.

Стрельба прекратилась, значит, сейчас будет развязка. Скорее

всего, его лоб или затылок уже нащупал своим прицелом снайпер.

В наступившем затишье послышался почти что детский голосок инокини Ефросиньи.

— Я разведала путь, там, слава Богу, есть выход — прямо на трассу, идущую от бывшего совхоза.

— Что вы здесь делаете? Я же сказал вам, бежать.

— Но я не могу оставить вас здесь одного. Это не по — христиански.

— Это для меня не по-христиански подставить вас под пулю. Я не в состоянии идти и даже ползти.

— Я вам буду помогать, с Божьей помощью доползем. На конце у моего посоха своего рода крюк; как можете, ухватите его правой рукой, а левой толкайтесь.

Надо соглашаться, иначе монахиню отсюда не выпроводить.

Закинув автомат за спину, Сева уцепился за крюк (бывший сучок) монашеского посоха, левой стал отталкиваться от дороги. На тропе можно было уже хвататься за стволы придорожной жимолости. Да и матушка Ефросинья пока тянула с мощью трактора «Кировец». Но он почти физически ощущал, что от второго внедорожника сейчас по дороге, все более ускоряясь, пошли боевики. Наверное и по склону оврага стало спускаться двое — трое персонажей на тросах.

Метров через пятьдесят и он, и монахиня стали выдыхаться.

— Думаю, мне пора сделать привал. А вы, матушка Ефросинья, полностью исполнили свой христианский долг, вытащили меня из преисподней и указали правильный путь. Правда.

— Я вас не брошу, — отрезала инокиня.

Но он уже слышал хруст веток и звук осыпающегося щебня — хищники быстро приближались.

— Вам никто не давал такого послушания.

— Я получу его задним числом.

— Уходите же вы наконец, — надо подобрать наиболее обидное слово для монахини. — Влюбились вы, что ли, в меня?

— Влюбилась. Бог велел нам любить людей.

Для дальнейшей перепалки не осталось времени.

— Прыгайте направо от тропки, невзирая ни на какие кусты.

Враг возник сразу, будто его выбросило гейзером.

Сева выстрелил практически в упор и кто-то навалился на него, подмяв автомат. Кречетников понял, что раненый враг будет бить ножом — поставил блок локтем левой руки, потом ударил ребром ладони нападающему под нос. Тот, прорычав, похоже что на турецком, отпрянул в сторону. Высвободив автомат, Сева добавил турку прикладом — тот обмяк, но, рухнув, придавил

ноги.

Кречетников почувствовал, что матушка Ефросинья тянет его из-под навалившегося тела. А потом Севу понесла волна. Прежде чем его сорвало с места, он успел ухватить монахиню. Он подумал, что летит вниз по склону, навстречу второму внедорожнику — но как-то гладко летит.

Кажется, на пути возникает помеха, но Сева только отталкивается от нее. И влетает прямо в открытую дверь машины, лупит водителя левой в висок, отчего тот вываливается из кабины. А сзади Севу еще подталкивает матушка Ефросинья.

Ухватившись за руль, он подтягивает себя на сиденье, на соседнем «приземляется» монахиня, так и не выпустившая посоха. Мотор работает, коробка передач — автоматика.

— Матушка, рычажок на «D»!

Левой рукой он кое — как дотянулся до газа, а зубами зафиксировал руль.

Внедорожник дернулся вперед и снес подбегающего боевика.

— Бинго. А теперь на «R», задний ход.

Подав газа, Сева ухватился левой за руль и легким маневром вбок уложил двух бандитов, снующих за машиной, затем выровнял курс.

Машина пронеслась задом сто метров до развилки, здесь монахиня уже без подсказки переключила скорость и они помчались по трассе в сторону городских огней.

9

Резиденция, предоставленная мэром Темирхановым, могла бы порадовать и изысканного технократа из «Сирла». «Умный дом», где кибероболочка спрашивает, «не угодно ли открыть окно», если вы бросили на него взгляд, а по полу ползают жуки — пылесосы, обладающие протоинтеллектом. Впрочем, Стайн не забыл пройтись по резиденции со своими детекторами, выискивая «закладки».

Полчаса назад его привезли мертвым, с дыркой в виске. Вместе с Мехметом Экинчи, бойцом из «Пиллума» — тот отдал концы по дороге. Троих «быков», выделенных Темирхановым, уже увезли в элитное похоронное бюро. Ах да Сева — всех обслужил, особенно Мехмета отделал — и это называется «лежачий больной»?

Мэнсон походил, набычившись, затем вызвал Юмэна во двор.

— И как ты считаешь, все идет по плану?

— Я найду Кречетникова.

— А мы и не теряли его. С дронов идут сведения, что джип с ним сейчас в районе заброшенного парка. Приглашает, так сказать.

— Я с ним встречусь. Распорядись — я поеду вместе с Шэффером.

— Ты поедешь один. У нас осталось слишком мало людей — как ты понимаешь, никто не ожидал таких потерь.

— Как скажешь. Ты — босс.

Когда свет от фар машины с Юмэном погас за листвой, на веранде появилась Джэд. Затянутая не в комбинезон из метаматериалов, а в маленькое черное платье.

— Лео поехал через центр. Так что догоним.

— Понял, — Мэнсон вызвал по рации Шэффера.

— Садимся в машину в номер два.

Боец из «Пиллума» сел за руль, на заднем сиденье разместились Джэд и Мэнсон.

Обычные экраны показывали картину с дронов в изометрической проекции, виртуальные экраны в режиме «дополненной реальности» накладывали информационную сетку на покрытый мраком пейзаж. Особая аппаратура сообщала о движении потоков ускоренного и замедленного времени через мембрану Настоящего.

Неожиданно внедорожник поравнялся с джипом Юмэна. Тот стоял на обочине, но когда Мэнсон и Джэд подбежали к нему, то увидели, что Лео там нет.

— Вышел в подпространственный канал. Минус одна секунда, — сказала Джэд.

Секрет, который так тщательно хранил Юмэн, давно не был тайной ни для нее, ни для Мэнсона. С тех пор, как они проанализировали снимки терагерцевого сканера высокого разрешения, сделанные, когда Юмэн проходил третий шлюз в «пентагоне». На снимках была показана дисперсная, но червеобразная структура, обвивающая позвоночник Лео и уходящая в его череп. Консультации с медиками не прояснили ситуации — а вот Джэд догадалась. Юмэн заражен, только паразит в его теле не биологический, он связывает «носителя» с миром, находящимся за пределами привычного континуума.

Мэнсон глянул на экран.

— Показана деформация пространства, интенсивность высокая, градиент угрожающий, сейчас он вернется. Пошли-ка обратно к машине.

Но до внедорожника Мэнсон не дошел. Его как будто смыла волною с берега и потянуло вглубь.

Он вырвался, выкарабкался на твердь, побежал, но от вампира уйти невозможно.

Юмэн ожидал его в Преднастоящем, поэтому возник внезапно.

— Шэффер, грохни его! — завопил Мэнсон.

Раздались выстрелы, но попасть в вампира практически невозможно.

Мэнсон вдруг увидел свои ноги высоко над землей. Когда он падал вниз, кровь на его затылке уже забурлила. Не успел он упасть, как она брызнула наружу через разошедшиеся кости черепа.

Мэнсон больше не встал, а вот Юмэна, разорвавшего главные кровеносносные сосуды шефа, ожидало мягкое приземление.

Шэффер вдруг вылетел из машины, поцеловался с землей, но когда попытался уползти, то заметил, что у него уже нет руки. Боец «Пиллума» увидел около лица ботинок Юмэна, хотел было дотянутся целой рукой до пистолета, однако удар в голову опрокинул его. Шэффер успел лишь понять, что его тело распадается на куски — крутящиеся члены, захваченные серебристые вихрем, уходили в багровую воронку.

Юмэн обернулся и обратил свое залитое чужой кровью лицо к Джэд.

— Ты все порушил, — бесстрастно сказала она. — Весь в своего дедушку-троцкиста.

— Нам не нужны эти придурки. Я не мог бы вместе с тобой, если бы знал, что Мэнсон, которой еще вчера запихивал в тебя

свой подкачанный помпой член, жив и здоров.

— А теперь, значит, мы вместе?

— Вместе.

— Ошибаешься.

Он не успел уловить момент, когда она исчезла. На ней не было комбинезона из метамерных материалов, который позволяет обмануть зрение. Дело было в другом.

Все произошло слишком быстро. Из-за резкого толчка рот его оказался вдруг набит листвой, а перед носом оказалась кучка собачьего кала. Лео поднял голову, роняя кровавые сопли. Джэд стояла над ним.

На ней действительно не было комбинезона, лишь короткое черное платье — хорошо видно, что ее кожаные покровы утратили свой цвет. Над ним завис скелет, обтянутый прозрачной плотью. Она находилась в Преднастоящем.

— Когда ты успела подхватить паразита?

— Ты же мой ближний, поэтому твои червеобразные друзья скоро наведались и ко мне.

Внутри него словно распрямилась пружина, он вскочил, но Джэд была проворнее. Ее пальцы оказались у него на затылке, а ноги на плечах. Еще недавно он любил такие моменты, но сейчас из ее туманного лона вышел шип, который сиял словно расплавленный металл — и поразил его в сплетение нервных волокон ниже кадыка.

Тяжелый огонь растекся по Юмэну, ногти Джэд, усиленные металлорганическим покрытием, вошли ему в шею, а поток его забурлившей крови полетел в ее рот. Она вбила его голову в землю, и он продолжал падать в багровую воронку безвременья…

Матушка Ефросинья вышла около здания городской администрации. Сева, доехав до памятной ротонды, выключил двигатель. Опустил стекла. Приехали.

Джэд появилась рядом с ним, когда он почти задремал — около левой дверцы.

— Здравствуй, племянничек.

— Вы… моя тетя. А вы мало изменились.

— Стараюсь. Да и ты парень хоть куда.

— Никуда.

— Свои повреждения ты с лихвой компенсировал. Все было очень убедительно…

Он протянула к его щеке свою изящную руку.

— Вы обокрали и убили моего отца.

— Положим, не я. У любого процесса есть объективная и субъективная сторона. Если бы мой муж не забрал документацию, это сделал бы какой-нибудь акционер. Убивать Андрея никто не

собирался, корпорация хотела только поскорее загрести ноу-хау. Всем было ясно, что Кречетников никогда не будет работать на «Сирл». Все остальное стало делом случая… Леонид, конечно, понимал, что не дотягивает до уровня твоего отца. И это субъективная сторона. Но я уже вдова.

— И что с ним случилось?

— Я убила его.

Хотя правая дверь джипа не отворилась, Джэд оказалась на соседнем сиденье.

— Неувязочка, вы не открывали дверь, а уже оказались в салоне машины.

— Извини, забыла, — Джэд распахнула дверь. — Я знаю практически все, что с тобой произошло, Всеволод. То, что потеряно, уже не вернешь, а жалость только унизит тебя. Сейчас перед нами открыты новые горизонты.

— Перед нами?

— Перед нами. Ближе меня у тебя никого нет и не будет. Наши способности будут дополнять друг друга. Я стану для тебя соратницей, помощницей, матерью. Если захочешь, я буду твоей женщиной — не в нашем положении обращать особое внимание на обыденную мораль. Кстати, отец пророка Моисея был женат на собственной тетке.

Она придвинулась к нему всего сантиметров на десять — но у него уже захватило дух. Аромат плоти. Ее глаза сияли, ее кожа была свежа, грудь высока, а талия узка.

— Подождите, тетя, что там радио бормочет?.. В трех, уже четырех мегаполисах какие-то прозрачные мгновенно перемещающиеся существа, похожие на скелеты, ведут охоту на горожан. Где они появляются, истлевают материалы, рассыпаются стены, разваливаются ЛЭПы, коммуникации и прочая инфраструктура, словно все эти объекты теряют положенный им запас времени. Нью-йоркцы, лондонцы, парижане исчезают, а вместо них появляются эти… вампиры.

— Не совсем, Сева. Нью-йоркцы и прочие лондонцы не исчезают. Они становятся теми, кого ты обозвал вампирами.

— Это что — ваша… работа?

— Эта работа начата твоим отцом и продолжена корпорацией «Сирл». Он действовал из научного рвения — и это, конечно, его извиняет — ребята из «Сирл» ради бабок. Но итог таков: поверхность пространства-времени проткнута как решето и из глубины мира лезут некие… создания.

— Паразиты?

— Грубо. Они ведь вступают с людьми в симбиоз. Кому от этого хуже?

— Стать кокономдля какого-то беса — это разве не хуже?

— Я бы не стала употреблять слово «бес». Скажем, это иная форма жизни, протекающая за пределами нашего мирка. Могу предположить, что отдельные ее особи извергаются некой маткой… Неаппетитно, но нужно уметь вовремя перейти на сторону тех, кто сильнее, а красоту потом наведут медийщики — им за это деньги платят. Эти создания из Посленастоящего вполне настроены на сотрудничество. Не надо переживать, что они кого-то немного обидели, человечество должно теперь играть пассивную роль. От этих гостей его не защитят ракеты и прочие пухи, оно бессильно, потому что сгнило. Тебе ли этого не знать?

— Это вроде того, что индейцы были беспомощным мясом перед западными завоевателями?

— Вроде того, только не столь брутально.

Ее умелая рука опустилась ему на затылок и он ощутил ласку, скрытую в ее пальцах.

И вдруг Джэд исчезла. Сева не сразу понял, что посох-клюка матушки Ефросиньи выдернул тетю Ядвигу из машины. Когда надо, инокиня появлялась внезапно и развивала мощность не меньшую, чем трактор.

— Не все сгнило Божьей милостью, — решительно заявила матушка Ефросинья.

Однако тетя исчезла ненадолго. Когда она появилась вновь, ее платье уже лопнуло, кожные покровы прибрели прозрачность, так же как и остальная плоть, приметны были только ягоды глаз, стебли яичников и что-то обвившееся вокруг позвоночника. Тетя потянулась к Севе, его кровь забурлила, готовая выплеснуться наружу, чтобы напитать вампира, атакующего из Преднастоящего. Но волна сорвала Кречетникова с тверди и швырнула словно в водоворот. Вместе с тварью они закружились в вихре, а потом провалились вниз. Когда было уже видно жерло воронки, она бесстыдно раскинула ноги, из ее лона вышел длинный шип, сияющий как расправленное серебро. В последний момент Сева вывернулся из ее объятий, протянул здоровую левую руку к тетиному позвоночнику, обвитому червем, сорвал его и бросил вниз…

Может век, а может и мгновение он находился в пустоте, серебристой, рассеченной сияющими прожилками как мрамор. Он висел в ней, не чувствуя тела, не слыша своего дыхания, потом стал «всплывать» в светоносных потоках. Смутные тени оформлялись, становились резче и наконец он оказался в привычном окружении.

Матушка Ефросинья смотрела на него столь широко открытыми глазами, что, казалось, они занимают поллица.

Наконец она подытожила:

— Ты сделался совсем прозрачным, будто растворился в серебристом тумане. Но я молилась и ты стал возвращаться.

— Я был… вроде беса?

— В наших монастырях не занимаются «демонологиями». Но я подумала, что бесы так не страдают, ты не из них… А Господь Бог не мог оставить тебя беззащитным перед ними, поэтому дал тебе особые силы.

Послышался шум двигателя. По звуку Сева узнал «Ландкрузер» темирхановцев.

Вот машина остановилась и из нее вышло несколько людей. Кто-то из них дал очередь по Севе и матушке Ефросинье. Пока перелет.

Вдруг «Ландкрузер» превратилась в огненный столб и к «Паджеро» подкатило горящее колесо. Не выстрелил больше ни один из темирхановских боевиков, успокоились разом. А совсем рядом с джипом Сева увидел несколько солдат, почти невидимых, передвигающихся быстро и бесшумно. Судя по экипировке — ВДВ. Один из десантников видно и засадил из гранатомета в темирхановский внедорожник. А метрах в тридцати из переливов сумрака возникла огромная боевая машина — экранолет, от дыхания её могучего мотора завибрировал воздух.

Здоровяк-офицер, появившийся рядом с «Паджеро», постучал по капоту и поднял зеркальное забрало шлема.

— Елки, да это ж мой бывший командир, майор Марков, — выдохнул Сева.

— Да, парень, хватит тебе воевать одному. И матушке пора вернуться к молитвам, — сказал вместо приветствия офицер.

— Товарищ майор, Владимир Николаевич, откуда вы?

— Правительство ввело в Шалшыке чрезвычайное положение. Моя рота снова оказалась самой мобильной.

— Наконец наступит мир, в человецех благоволение, — радостно произнесла инокиня.

— Не думаю, матушка. Завтра наступит Армагеддон.